

THE
PRINCIPLES
WHICH LEAD AND DIRECT
PHILOSOPHICAL ENQUIRIES;
ILLUSTRATED BY THE
HISTORY of ASTRONOMY

«История астрономии» А. Смита: введение к первому переводу на русский язык

Наука всегда усваивается полнее, когда она рассматривается в состоянии рождения (Дж.К. Максвелл)

Перевод на русский язык текста «Истории астрономии», который публикуется в настоящем издании, должен — без преувеличения — открыть для отечественного читателя новую страницу в долгой традиции освоения интеллектуального наследия А. Смита. Эта традиция, напомним, началась еще в начале XIX в., когда за государственный счет был сделан перевод «Богатства народов» (1802—1806). С тех пор этот перевод неоднократно переиздавался, неуклонно, но медленно улучшаясь, в 1866, 1935, 1962 и 2007 гг.¹ Все издания, можно сказать, позитивно отражались на качестве российской экономической науки (показателен пример «Экономических очерков» В.К. Дмитриева 1898—1904 гг. и издания «Богатства народов» в 1866 г. под ред. П.А. Бибикова). Чуть позже была переведена «Теория нравственных чувств» (в 1868 г., опять же Бибиковым), а в советское время переводились и некоторые другие, в основном морально-эстетические работы Смита². Однако нам по существу оставался неизвестен как Смит-естествоиспытатель, так и, в общем и целом, Смит «раннего периода». Он всегда предстал в канонических, готовых образах. Такой образ для экономистов был сформирован «Богатством народов» (с соответствующими точками зрения К. Маркса). А для специалистов по этике и эстетике — «Теорией нравственных чувств»³. Между тем в «Глазговском» собрании сочинений мыслителя эти произведения составляют примерно половину его общего объема, что никак не может отражать достойного состояния дел в нашем теперешнем смитоведении⁴.

¹ Резким скачком в качестве перевода было отмечено издание 1935 г., содержавшее предметный указатель и литературную обработку ряда специальных экономических терминов. В издании 2007 г. в серии «Антология экономической мысли» был исправлен ряд принципиальных неточных мест (указанных еще проф. А.В. Аникиным и любезно предоставленных нам проф. О.И. Ананыиным), произведено очередное полное сличение с оригиналом, теперь уже по каноническому «Глазговскому изданию» (1976).

² Смит А. О влиянии обычая и моды на чувства морального одобрения и порицания; О природе того подражания, которое имеет место в так называемых подражательных искусствах // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика / Общ. ред. И.С. Нарский. М., 1973. (История эстетики в памятниках и документах).

³ См. Смит А. Теория нравственных чувств / Подгот. текста, комм. А.Ф. Грязнова, вступ. ст. Б.В. Мееровского. М., 1997. С. 19 и сл.

⁴ Клюкин П.Н. Адам Смит // Новая российская энциклопедия / Ред. В.И. Данилов-Данилян, А.Д. Некипелов. М., 2015. Т. 15. Ч. 1.

Между тем серьезное освоение интеллектуального наследия Смита на Западе началось еще в конце XIX века. В тот период были найдены и опубликованы рукописи лекционных курсов Смита 1762—1763 гг. по общим вопросам юриспруденции¹. Большая работа развернулась с начала 1960-х годов, когда стали систематически публиковаться все известные произведения Смита, в том числе не относящиеся непосредственно к экономике. В 1976—1985 гг. вышло 6-томное каноническое «Глазговское издание»². Тогда же, с начала 1970-х годов в западной литературе начался процесс переосмысления творческого наследия Смита, не прекращающийся (а на деле даже усиливающийся) и по сей день.

В отечественной литературе до середины 1970-х годов уровень освоения творческого наследия Смита не сильно уступал западным образцам. Это происходило в основном усилиями проф. А.В. Аникина, который написал сначала монографию о Смите в серии «Жизнь замечательных людей»³, а затем, в 1971 г., главу в очень популярной и занимательной книге⁴. Некоторые разработки разной степени значимости содержались в статьях и книгах видных историков экономической мысли (проф. В.С. Афанасьева, проф. А.А. Хандруева и др.). Дело в том, что они все-таки работали на стыке истории и теории, потому что советской экономической мысли нужна была «критика буржуазных теорий» и, значит, отличное, до деталей, знание этих последних. Однако потом, прежде всего с середины 1980-х и начала 1990-х годов, наследие Смита стало отходить в наших экономических курсах на обочину теории (в область «чистой» истории экономической мысли). С этого момента, как представляется, его наследие стало постепенно обрастать мифами и домыслами, стало искажаться и отставать от мировых тенденций. Смит начал представать и предстает и поныне в образе этакого экономиста-фритредера, который верит в идеалы свободного рынка и конкуренции, проповедует дух эгоизма, корысти и наживы (особенно как критик «Басни о пчелах» Мандевилля). Пассаж о «невидимой руке рынка» часто трактуется у нас безо всякого знания контекста, а зачастую и простого знания первоисточников. Однако, как отмечал М. Фридман в одной из своих работ, если вы хотите узнать настоящего Смита, то почитайте для начала его историю астрономии⁵.

¹ *Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms / Ed. by E. Cannan. Oxford, 1896.*

² *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence Of Adam Smith. Vol. 1—6. Edinburgh, 1976—1985.* К ним присоединяются обычно еще два тома, посвященные жизни и биографии Смита, а также очеркам о нем в контексте развития наук об обществе.

³ *Аникин А.В. Адам Смит. М., 1968. Вып. 3 (446).*

⁴ *Аникин А.В. Создатель системы: Адам Смит / Юность науки [1971]. 4-е изд. М., 1985.* Выдержки из нее приводятся ниже в Приложении.

⁵ «Смита часто представляют и критикуют как поборника эгоизма и себялюбия. Это очень далеко от правды. Смит — прежде всего ученый, который был движим чувством «Измумления», интересовался «несообразностями» экономического механизма, искал цепочки промежуточных событий, которые позволили бы связать вселенную в одно целое и привели бы ее к гораздо лучшему состоянию, чем она была до этого... Тонкий анализ системы цен [в «Богатстве народов»] тому подтверждение» (*Freedman M. Adam Smith's Relevance for Today // Challenge. 1977. Vol. 20. No. 1. P. 12.*)

В этом кратком введении в тему нет смысла пересказывать основные идеи Смита, содержащиеся в очерке. Читатель, с разной степенью образованности, сам найдет для себя в нем что-то полезное. Важно сформулировать основную идею. Этот текст тесно связан с другими работами Смита раннего периода и служит как бы введением в творческую лабораторию мыслителя¹. Это означает, что открывается путь к новым источникам и новым переводам, которые были бы логически связаны между собой и вписаны в соответствующий исторический (и не только) контекст. Редакторы «Глазговского издания» отмечали, что с позиций сегодняшнего уровня развития науки текст Смита, особенно в специальной его части IV, посвященной непосредственно истории астрономии, изобилует ошибками². Однако ценность его от такого признания не уменьшается.

Важно отметить, во-первых, что «История астрономии» в исполнении Смита — это, по-видимому, первая в истории астрономической науки связанная и сознательная попытка изложить эволюцию этой науки, руководствуясь определенным принципом изложения и отбора материала. И это было сделано в период до 1758 г. Первые же систематические истории астрономии, насколько нам известно, начали появляться в Европе лишь со второй половины XIX в.³ По всей видимости, историки астрономии не особенно знакомы с этим текстом Смита; по крайней мере на страницах отечественных «Историко-астрономических исследований» нам не встретилось упоминаний о нем.

Во-вторых, в очерке Смита с естественнонаучными его взглядами (обусловленными рассмотрением соответствующего предмета) тесно соприкасается философия. Смит трактует последнюю весьма расширительно, как «науку о принципах связи в природе» (II.12, с. 45 по внутренней пагинации), но благодаря этому получается необычное сочетание, своеобразный «стык» двух дисциплин, имеющий эвристическую ценность. Интерес к такой постановке проблемы усиливается и тем, что Смит выступает в первых трех подразделах очерка творческим воспреемником идей Д. Юма. Философия Юма слишком быстро, как мы знаем из истории философии, попала в тень «Критик» И. Канта, а с другой

¹ Примечания переводчика к тексту, зачастую обширные, преследовали цель показать интеллектуальные связи его с другими работами Смита, как ранними, так и поздними.

² Adam Smith: *Essays on Philosophical Subjects* / Ed. by W.P.D. Wightman and J.C. Bryce (with Dugald Stewart's «Account of Adam Smith», ed. by I.S. Ross). General Editors: D.D. Raphael and A.S. Skinner. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 11 (editor's Introduction).

³ См., напр.: *Берри А.* Краткая история астрономии [1898] / Под ред. Р.В. Куницкого. 2-е изд. М.; Л., 1946; *Лаврова Н.Б.* Очерк истории астрономической библиографии // Историко-астрономические исследования. Вып. V / Отв. ред. П.Г. Куликовский. М., 1959. Расцвет пришелся в целом уже на XX в. См. *Паннекук А.* История астрономии [1961] / Под ред. Б.В. Кукаркина, П.Г. Куликовского. М., 1966.

стороны, как бы растворилась в аморфной атмосфере Шотландского Просвещения, с присущим ей сенсуализмом и акцентом на морально-этических проблемах. Между тем, как показывает Смит, идеи Юма имеют и фундаментальное гносеологическое значение (положительное), если перенести их в сферу сознания и истолковывать непрямойно¹. В этой связи, зная место Смита в теоретической политической экономии от Ф. Кенэ до К. Маркса, в традициях российской экономической школы (от М.И. Туган-Барановского до Н.Д. Кондратьева и Е.Е. Слуцкого), можно попробовать выявить ценность идей Юма — Смита в сфере экономической концепции кругооборота экономики (см. ниже). Эта мысль отчасти смыкается с настойчивыми поисками Гегеля «основ физиологии капиталистического общества» именно у Смита, а не у Канта и не у Фихте. Показательно, что этих политико-экономических устремлений Гегеля не понял, по-видимому, ни один из его ближайших учеников и последователей². Метафора «невидимой руки» в этой связи является интереснейшим сюжетом, имеющим прямое отношение и к нашей действительности (II.8). Не случайно ей посвящено на Западе много работ³.

Критическая установка Смита в отношении многих авторитетных философов (Р. Декарта, отчасти Аристотеля) тоже представляется сегодня новой и свежей, когда автор очерка как бы сознательно выпадает из традиции, в то же время оставаясь в ней. Это дает ему возможность критически посмотреть на эту традицию со стороны, не связывая себя жесткими обязательствами следовать ей и признавать авторитеты. Такой прием позволит, видимо, в будущем получать некое синтетическое знание, почерпнутое из разных дисциплин и следующее генетическому (а не интегральному) подходу к истории идей⁴. И совсем необязательно, с этой точки зрения, заранее отказываться от поиска метафизики в Юмо-Смитовских построениях. Она вполне может просвечивать сквозь пелену приземленных и в чем-то даже бытовых проблем.

¹ Нужно, чтобы философы постоянно искали в природе цепочки «невидимых причин и событий» (II.11, 12; III.1, 2).

² Лукач Г. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 210, 213, 258, 359—361.

³ Macfie A. The invisible hand of Jupiter // Journal of the History of Ideas. 1971. Vol. 32 (4); Grampp W.D. What did Smith mean by the invisible hand? // Journal of Political Economy. 2000. Vol. 108 (3); Wight J.B. The Treatment of Adam Smith's Invisible Hand // The Journal of Economic Education. 2007. Vol. 38 (3); Kausvik B. Beyond the Invisible Hand: Groundwork for a New Economics. Princeton, NJ, 2010; Harrison P. Adam Smith and the History of the Invisible Hand // Journal of the History of Ideas. 2011. Vol. 72. No. 1.

⁴ Клюкин П.Н. Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX — первой трети XX в. М., 2010. С. 17—18, 329.

Триада категорий Смита «Изумление — Удивление — Восхищение» в контексте общей мыслительной схемы, следующей из принципа хозяйственного кругооборота

Центральным в теоретическом отношении для нас является подраздел II, в котором Смит оперирует с последовательностью промежуточных событий для заполнения бреши или интервала между тем, что мы видим в реальности (например, на Небе, или в экономике), и тем, что есть у нас в уме, точнее, в воображении (*imagination*)¹. Эта последовательность трактуется как цепь, в которой каждое звено связано с соседними звеньями жестким соотношением (II.5): каждое следующее обусловлено предыдущим и, в свою очередь, обуславливает последующее². По самому смыслу цепи — быть связующим принципом разнородных явлений — она должна быть замкнута. Воспользуемся конструкцией, уже полученной нами раньше и описанной в ряде работ³:

$$X_0 - X_1 - X_0 \quad (1)$$

$$X_1 - X_2 - X_1 \quad (2)$$

$$X_2 - X_3 - X_2 \quad (3)$$

.....

$$X_{n-1} - X_n - X_{n-1} \quad (n)$$

$$X_n - X_n \quad (n+1)$$

(1)

В этой схеме (1) реализован диалектический принцип связи «целей» (правый столбец) и «средств» (средний столбец), а сама она является обобщением структуры типа «Зигзаг». Тот факт, что Смит часто говорит о поиске цепи «невидимых событий» (II.8), означает, что сознание ищет внутри себя оптимальную конфигурацию или «порядок» элементов X_i . Задача же ученого — эксплицировать эту последовательность в явном виде (что и иллюстрируется Смитом на материале истории астрономии).

Теперь, следуя изложению Смита (в II.6), можем увидеть следующее. Если есть последовательность, приводящая нечто изначально данное

¹ Любопытно, что такая постановка вопроса фактически принуждает Смита трактовать воображение не как творчески репродуктивное (Кант, Фихте), а как отражающее эмпирически созерцаемое (II.3). Роль памяти тоже механическая: она сводится к перебору уже имеющегося в ней (II.3). Однако тем самым акцент смещается не в сторону «трансцендентального субъекта», а в сторону наблюдаемой эмпирической реальности.

² Фактически здесь (в II.7) дается архитектоника «производственного ряда» Г.А. Харазова (1877—1931), главного изобретения нашего замечательного экономиста-математика. Здесь же Смитом предугадывается идея «базисных товаров» в духе П. Сраффы. Но главное, что эта последовательность событий или причин имеет отношение к сознанию.

³ См. напр. *Клюкин П.Н.* Эволюционный принцип в теории хозяйственного кругооборота // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной. СПб., 2015. С. 261—265.

$X_0 - X_1 - X_0$ (1-я строка схемы) к искомому результату $X_n - X_n$ (строка $n + 1$), то получаем такую интерпретацию Смитовых категорий «Удивления», «Изумления» и «Восхищения».

1. «Удивление» Смита. Это разрыв цепи в строках схемы (1), например перескок с 1-й строки сразу на 3-ю или же на более отдаленную строку. Особое значение имеет, конечно, скачок типа $(n) \rightarrow (n + 1)$. Тогда монотонная последовательность строк (1), (2), (3) и т.д. явным образом нарушается, но в результате образуется единое целое. Таким способом, например, разум избавляется от «дурной бесконечности», требуя для себя смысла и цели даже в том случае, когда их не имеется. Разум осуществляет, стало быть, здесь некоторое «насилие» («violent» Смита) над эмпирическим материалом.

«Удивление от неожиданности» (II.8). Это когда элемент X_i среднего столбца схемы (1) оказывается стоящим именно на данном месте; на этой строке k , а не на какой-то другой (топика схемы). В противном случае единая цепь типа (1) распадается на ряд отдельных цепочек, не связанных друг с другом, и общего единства не достигается. По-прежнему остается брешь.

«Удивление от радости» и «удивление от горя». Они интересны тем, что соответствующая перестановка элементов X_i , как показывает Смит (I.6), не взаимно обратима. Схема (1), стало быть, имеет некоторое направление эволюции. На этом принципе, в частности, может быть основана «праксеология» (в духе Е.Е. Слуцкого) — как учение об оптимальных стратегиях поведения индивидов и систем в практической деятельности.

2. «Изумление» Смита. Это когда вся последовательность $(1) \rightarrow (2) \rightarrow \dots \rightarrow (n) \rightarrow (n + 1)$ рассматривается как единое целое, т.е. как пришедшая к замыканию через элемент $X_n - X_n$ в результате ряда перестановок элементов. Такая последовательность действительно представляется сознанию как единственная в своем роде, как «самоочевидность», данность самому себе безо всяких дальнейших отсылок и обоснований¹. Тогда сознание просто созерцает этот *порядок* и наслаждается этим порядком. «Рынок» в «Богатстве народов», видимо, и был для Смита известным механизмом, приближающим к такому порядку. Но как ученый, он вряд ли мог на этом настаивать, а иногда и делал показательные оговорки (о значении «Навигационного акта», например). В целом важна простота и красота конструкции, которая может *изумлять* и сама по себе².

¹ Ср. изумление Ф. Кенэ, когда он впервые получил свою «Tableau économique» 1758 г. (Физиократы. Избранные экономические произведения / Под ред. П.Н. Ключкина. М.: Эксмо, 2008. С. 843—844. Серия: «Антология экономической мысли».)

² «...Часто оказывается, что и одного величественного объединяющего принципа оказывается достаточно, чтобы связать воедино все рассогласованные явления, которые имеют место в целом ряде вещей» (IV.19). В традиции российской экономической мысли это выражение относится, прежде всего, к замечательной конструкции Г.А. Харазова (1877—1931), реализованной в «Системе марксизма» (1910) и связавшей воедино множество фактов капиталистической действительности.

3. «Восхищение» Смита. Это когда схему (1) удается найти в исследовании возвышенных предметов (на Небе или в области общечеловеческой морали). Отсюда его увлеченное повествование об отцах-основателях астрономических систем — Гиппархе, Птолемею, Копернике, Ньюtone.

Резюме. Общая логика действия триады Смита заключается в том, чтобы от схемы типа (1) перейти к некоей схеме (2), которая была бы такой же по структуре, но с другим набором элементов и расположенных в ином порядке¹. Сначала деятельность воображения нарушает целостность схемы (1), выбивая из нее некоторые элементы X_i . Затем воображение группирует разрозненные элементы заново, причем в этом переходном процессе получают наибольшие трудности и несообразности (см. частое употребление Смитом термина «irregularities»). Они связаны не только с трудностями подбора новых подходящих элементов, но и со сложностью начальной схемы (чем длиннее ее история, тем сложнее проводить перегруппировку), а также с длиной переходного периода, в котором высоко значение неуверенности, неустойчивости и неопределенности². И затем — коль скоро найденное вовсе не гарантировано, а часто воспринимается как озарение, — получается новая счастливая комбинация, реализующая схему (2). Здесь сознание испытывает «Изумление». Разумеется, это чувство может быть вызвано и схемой (1), которую, скажем, восприимчивое и наивное еще сознание впервые находит в природе, просто путем наблюдения красот природы и небесных тел (таковы античные системы астрономии).

* * *

Публикуемый ниже текст «Истории астрономии» (с изложением «принципов, которые ведут и направляют философские исследования») был написан Смитом в период до 1758 г.³ Критически настроенный к своим рукописям Смит перед смертью в 1790 г. сжег их почти все, а эту, тем не менее, оставил. В строгом смысле она представляет собой одну из трех рукописей, посвященных философскому поиску связующих принципов⁴. Она была издана в 1795 г. душеприказчиками Смита и затем неоднократно переиздавалась. В XX в. ее издавали в полном варианте в 1967-м и 1975 гг., потом перепечатывали, в т.ч. в «Глазговском издании», добавив

¹ Не случайно он так часто говорит о «порядке» следования элементов в цепи. Ср. «Так, последовательность объектов, следующих друг за другом в необычном порядке или цепи, произведет тот же эффект, хотя бы по отдельности в каждом из элементов, составляющих цепь, и не содержалось ничего необычного» (II.5).

² Здесь (II.4) просматривается роль предпринимателя как создателя «новых комбинаций», выявленная впоследствии Й. Шумпетером.

³ Датировка указывается по собственным замечаниям Смита (IV.74), а также примечаниям редакторов издания.

⁴ Другие две: «The History of the Ancient Physics» и «The History of the Ancient Logics and Metaphysics» с тем же подзаголовком (Adam Smith: Essays on Philosophical Subjects. P. 106—129).

необходимые комментарии и примечания¹. В настоящем издании перевод сделан по «Глазговскому изданию» (т. III), т.е. фактически, по первому изданию рукописи 1795 г. с необходимыми корректурами.

Текст «Истории астрономии» представляет собой первую (но самую важную) часть триптиха по исследованию философских принципов познания. В подробных примечаниях к тексту перевода мы старались передать, во-первых, современные данные из астрономической науки, насколько это оказалось возможным, во-вторых, прочертить параллели с другими работами Смита, как зрелыми, так и ранними. В этом отношении мы следовали в основном за работой редакторов «Глазговского издания». Текст четко делится на две части. Первая (подразделы I—III) посвящена, собственно, принципам, которые можно осмысливать и обобщать далее (см. выше). Вторая (подраздел IV) посвящена непосредственно истории астрономии вплоть до трудов И. Ньютона².

Серьезное внимание на «Историю астрономии» стали обращать со второй половины 1960-х годов³, хотя еще раньше Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа» называл этот очерк «жемчужиной в коллекции трудов Смита». Интерес ученых был обусловлен тогда, с одной стороны, новыми тенденциями в философии науки (Т. Кун, И. Лакатос), а с другой — ощущением исчерпанности идейного потенциала в рамках «Богатства народов». В нашей литературе на значение текста указывалось А.В. Аникиным, в частном разговоре — известным современным специалистом по истории экономической мысли И.В. Филатовым (МГУ им. М.В. Ломоносова). Весть о желании издательства «Эксмо» возобновить работу над серией «Антологии экономической мысли» и подготовить второе издание тома А. Смита, в немалой степени, побудила, в конце концов, взяться и выполнить эту работу.

* * *

Перевод некоторых терминов в «Истории астрономии» А. Смита⁴

Wonder — изумление
Surprise — удивление
Admiration — восхищение

¹ Adam Smith's library: a catalogue / Ed. with an introduction and notes by Hiroshi Mizuta. Oxford; N.Y., 2000.

² О связи концепций Смита и Ньютона см., в частности: Diemer A., Guillemin H. L'économie politique au miroir de la physique: Adam Smith et Isaac Newton // Revue d'histoire des sciences. 2011. Vol. 64. No. 1.

³ Lindgren J.R. Adam Smith's Theory of Inquiry // Journal of Political Economy. 1969. Vol. 77. No. 6.

⁴ Призван сориентировать читателя в понимании некоторых терминов и фрагментов текста при прочтении. Термины сгруппированы тематически.

- Sentiments — чувства
Emotion — эмоция
Impression — впечатление
Passion — страсть
Sensations — переживания, ощущения
Grief — горе
Joy — радость
Conceiving — восприятие, постижение
Sorrow — скорбь
Custom — привычка
Habit — обычай
Habitual mood — привычное настроение
Senses — внешние органы чувств; сознание; ощущения (по контексту)
Imagination — воображение, структура мысленных образов
Natural career of the imagination — естественный ход деятельности
воображения
Frame of the imagination — структура воображения
Ideas — мысленные образы
Fancy — деятельность фантазии (отличается от воображения)
Mind — разум
Reason — разумное основание
Object — объект
Chain of intermediate events — цепь промежуточных событий
Succession of objects — последовательность объектов
Train of things — последовательность вещей
Train of events — последовательность событий
Constitution of things — порядок вещей
Order of succession — порядок следования последовательности
Coherent chain of things — связная последовательность вещей
Uncertainty — неопределенность

*Клюкин П.Н.,
доктор экономических наук, проф. НИУ ВШЭ,
зав. Лабораторией изучения наследия
российских экономистов ИЭ РАН*

